

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТУИЦИИ ПОДЛИННОСТИ

В статье рассматриваются различные формы интуиции, удостоверяющей реальность внешнего мира. Показано выражение форм онтологической интуиции в различных философских традициях. Обосновано соотношение интуиции подлинности с символическим бытием и выбор неоплатонического подхода к анализу символа.

Ключевые слова: онтологическая интуиция, подлинность, символ.

Представление о реальности возникает в результате выделения в самостоятельную область существования того, что так или иначе действует. В этом смысле слово «реальность» является синонимом слова «действительность». Можно выделить различные виды реальности: эмпирическую, умопостигаемую, художественную, психическую и т. д. Иначе говоря, реальность – это горизонт определенного вида существования, а подлинность реальности – это ее экзистенциальная характеристика, в соответствии с которой особая личностно значимая сфера реальности выделяется на основании какого-либо принципа: первичности, самоочевидности, истинности, отсутствия отчуждения личностных свойств, осознанности собственной свободы, непричастности модификациям в соответствии с идеологическими установками, предрассудками, страхами и т. п.

Понимание реальности изначально достигается в интуиции и лишь затем может быть обосновано дискурсивно. Особую интуицию, удостоверяющую подлинность реальности, будем называть «онтологической интуицией». Реальность может быть дана как первичный опыт или как выражение в различных формах того, что действует. В первом случае реальность открывается в феноменологической очевидности, во втором случае – в виде символов.

Символ – это особого рода знак, указывающий на присутствие обозначаемого в реальности. Знаки могут быть разными,

и среди них можно выделить «конвенциональные знаки», т. е. выбранные в качестве обозначения произвольно. В отличие от конвенционального знака символ не может быть выбран произвольно или случайно, так как он должен непосредственно являть в себе подлинное бытие символизируемого. Подлинность этого бытия удостоверяется особой онтологической интуицией, которая неотъемлема от постижения символа.

В традиционном словоупотреблении подлинное – это настоящее, исходное, самоценное, а неподлинное – это условное, обманчивое, подменяющее собой то, что должно быть на самом деле. В обыденном понимании подлинное противопоставляется копии или подделке. Подлинником в искусстве называют такое произведение, которое является исходным, носит оригинальный и самодостаточный характер, в отличие от копий, репродукций и подражаний. Среди всех человеческих чувств подлинными считаются те, которые человек испытывает на самом деле, в отличие от тех, которые он лишь имитирует. Часто человек скрывает свои настоящие чувства и действительное отношение к другим, следуя необходимости подстраиваться под социальную ситуацию, в результате чего происходит отождествление с социальной ролью, а порой и полная утрата подлинного себя. Отличие подлинного от неподлинного выражается в том значении, которое каждое из них имеет в своей области. Например, подлинное произведение искусства оказывает влияние на других

художников, порождая как новые оригинальные произведения, так и обширную сферу подражания. Подлинник всегда вызывает изменение и движение в области искусства – способность, которой совершенно лишены подражания и подделки. Подобно этому лишь подлинное чувство имеет влияние на жизнь человека, подвигая его к действию и тем самым вызывая изменения в его личности.

Отличие подлинного от неподлинного человек может не только знать и понимать, но еще и воспринимать интуитивно. Поскольку интуиция – это тоже знание, хотя и не опосредованное ни органами ощущений, ни логическими выводами, постольку она может считаться относящейся к сфере познавательной деятельности человека. В связи с этим можно выделить особую онтологическую интуицию, которая удостоверяет подлинность чего-либо не путем теоретической рефлексии с помощью понятий, а через сопутствующее восприятию и пониманию ощущение реальности, чувство жизни, беспредпосылочную уверенность, что именно так и должно быть. Эта онтологическая интуиция удостоверяет как реальность окружающего мира, так и подлинность человеческой экзистенции – первичного личностного существования, в котором субъект полагает и удостоверяет себя как себя, т. е. не обусловленного никакими внешними по отношению к себе обстоятельствами. Таким образом, онтологическая интуиция может раскрываться в различных формах человеческого опыта, в том числе и в опыте постижения символа.

Онтологическая интуиция может переживаться в следующих формах.

1. Как ощущение реальности происходящего

Это ощущение настолько привычно, что на него перестают обращать внимание, и замечают только тогда, когда оно утрачивается, в силу чего все происходящее начинает казаться нереальным. Обычно такое состояние возникает вследствие переутомления, химического или психического внешнего воздействия и может привести к тяжелой душевной травме.

2. Как интуиция присутствия

Эта интуиция удостоверяет реальность других личностей и может содержательно раскрываться в разных формах эмпатических переживаний. Утрата этой интуиции

может привести к неспособности социально адаптироваться и к аутизму. Однако так бывает не всегда, поскольку существуют различные формы социальной адаптации, далеко не все из которых предполагают необходимость воспринимать людей именно на личностном уровне. Например, эгоист, который вообще не чувствует людей и поэтому поступает так, как будто лишь он один и существует на самом деле, а все остальные – только вещи, служащие ему средством достижения личных целей, может быть вполне социально адаптирован и даже очень успешен. Способность эгоиста к достижению успеха в обществе указывает на многоуровневость социальной сферы, в которой можно выделить не связанную с личностным общением область социальных ролей, оторванную от первичного экзистенциального опыта и потому онтологически ущербную.

3. Как причастность бытию более высокого онтологического статуса

Она раскрывается в ощущении, что за случайным эмпирическим потоком можно обнаружить вечное, самоценное и непреходящее бытие. Как показал М. Элиаде, для архаичного мифологического сознания реально лишь то, что воплощает в себе мифологический архетип, представляющий собой такую смысловую структуру бытия, которая циклично воспроизводится в эмпирической жизни, структурируя мифологическую картину мира [Элиаде, 1987. С. 84–85]. В индийской традиции сопричастность высшему бытию оформилась в учение об Атмане – абсолютной реальности, который лежит в основе всех явлений мира и человеческого сознания. Платон видел подлинную онтологическую основу потока жизни в его причастности вечному миру эйдосов. Согласно учению стоиков, полная превратностей судьбы жизнь человека может быть оправдана лишь тем, что в ней через добродетельные поступки раскрывается подлинная человеческая сущность – его разум, который является частным выражением мирового разума – логоса. Согласно христианскому миропониманию все существующее является благим по своей природе, потому что причастно первоисточнику всякого бытия – Богу. Подлинное бытие раскрывается тогда, когда мы видим его благодать, а неподлинным является зло, которое в том или ином аспекте отрицает бытие, тем самым искажая

и извращая естественное состояние. Во всех этих случаях за временными, случайными и преходящими явлениями обнаруживается нечто большее, что удостоверяет их подлинность, вызывая сильное ощущение жизни, основанное на причастности самодостаточно, непреходящему и свободному от чего-либо внешнего себе бытию.

4. Как чувство соответствия себе

Человек может чувствовать, что поступил неправильно, даже если этот поступок был необходим в силу сложившихся обстоятельств. Хотя событие поступка происходит в эмпирическом мире, его подлинность удостоверяется соответствием сущности человека, независимой от эмпирической реальности. Подобно этому и окружающий мир воспринимается подлинным в той степени, в какой человек в нем действует свободно, т. е. в соответствии с собой. Отказываясь поступать свободно, человек не просто попадает под власть внешних обстоятельств, но и сам себя начинает воспринимать отчужденно, как вещь, обусловленную этими обстоятельствами. В результате он утрачивает связь со своей сущностью, забывая свое подлинное существование.

5. Как подлинное выражение вовне

Именно в этой форме онтологическая интуиция сопутствует восприятию символа. Онтологическим выражением человека вовне является его тело. Человек воспринимает свое тело не просто как одну из принадлежащих ему вещей, а как непосредственное воплощение и выражение себя самого. В теле человека находят выражение все его душевные переживания и личностные изменения, однако, его самость, иначе говоря, его дух, носит первичный по отношению к любым психическим процессам характер и поэтому представляет собой умопостигаемую сущность. Но и эта сущность находит свое онтологическое выражение, с которым человек себя отождествляет, а именно – с его именем. Таким образом, тело и имя человека – это символы, в которых сам человек онтологически выражен. В соответствии с этим Н. Н. Карпицкий утверждает, что «тело есть слово, подобно тому, как и человеческое тело есть слово его души, явление души себя для другого. Подобно тому, как слово выражает смысл, укорененный в вечности, через который вечность становится данной человеку, тело также выражает смысл внутренней жизни

человека, внутреннего его мира, делает его явленным для другого» [Карпицкий, 1997. С. 53].

Восприятие символа предполагает онтологическую интуицию, удостоверяющую подлинность этого конкретного онтологического выражения и позволяющую чувствовать, что перед нами сам человек, а не его условное обозначение. В религиозном ритуале предметы культа способны выражать в себе действие высшего начала, и в этом смысле они становятся символами. К. Г. Юнг истолковал образы, сопутствующие определенным состояниям психической жизни, как символы, выражающие бессознательные структуры психики [Юнг, 1996. С. 173–174]. Когда человек в музее смотрит на предметы быта исчезнувших цивилизаций, он воспринимает их как выражение другой культуры. Приобщение к миру другой культуры через восприятие созданных ею вещей, реальность давно минувших веков удостоверяются онтологической интуицией. В этом смысле музейные экспонаты становятся символами породившей их культуры, являющими собой саму эту культуру, ее реальное существование. Символ не ограничивается простым выражением чего-либо, подобно художественному образу, но сообщает чувство реальности выражаемого: другого человека, другой культуры или другого мира, поскольку он направлен на реальное явление в этом мире того, что он символизирует.

Интуиция подлинности обосновывалась в философской традиции интуитивизма, в соответствии с которой знание – это не отражение предмета в сознании, а непосредственное постижение самого предмета в подлиннике. Еще до того, как А. Бергсон ввел в философский оборот понятие интуитивизма, В. С. Соловьёв говорил о вере как особом роде интуитивного познания, непосредственно удостоверяющего саму сущность предмета, развивая эту мысль в контексте идеи всеединства. В дальнейшем интуитивизм обосновывался различно: и через идею процессуальности, жизненного порыва (А. Бергсон), и через платоническое понимание единства идеальных сущностей, воплощающихся в конкретных вещах (Н. О. Лосский). Онтологическая интуиция приобщения к высшей реальности раскрывается в самых разных онтологиях, лежащих в основе религиозной картины мира. Ин-

туция подлинности собственного существования рассматривается в философской традиции экзистенциализма.

Обоснование онтологической интуиции, участвующей в восприятии символа, требует особого философского подхода. Неоплатонический подход, разграничивающий сущность и ее проявления – энергии, что позволяет, с одной стороны, констатировать феноменологическую очевидность сущности, а с другой – говорить об энергийном выражении сущности в различных символических формах, нуждающихся в герменевтическом истолковании. Благодаря этому подходу онтологическая концепция символа раскрывается как онтогенез, позволяющий отличать подлинное становление, завершающееся в выразительной символической форме, от проекций собственных предрассудков, комплексов и идеологических установок, выливающих в мирописание, подменяющее собой подлинное существование.

Проблема обнаружения подлинного бытия возникает при определении отношения к историческим формам культурного самосознания. Архаический человек в собственной мифологической картине мира воспринимал как подлинное лишь то, что осмыслено в соответствии с мифологическими архетипами. Поэтому символические образы космических процессов, божеств, духов и других мифологических персонажей он воспринимал как подлинную реальность. Для современного человека все эти мифологические существа представляются фикцией и вымыслом, что нашло свое отражение в рационалистических концепциях мифологии, трактующих ее как фантастическую форму отражения действительности. Такой вывод логичен для тех, кто наблюдает и исследует мифологическую картину мира извне, так как в этом случае онтологическая интуиция наблюдателя с данной картиной мира никак не связана. Однако у таких исследователей, как А. Ф. Лосев или М. Элиаде, стремящихся понять миф изнутри него самого, с позиции того или иного конкретного мифологического сознания, обнаруживается онтологическая интуиция, побуждающая считать миф не фикцией или вымыслом, а подлинной реальностью.

В индустриальную эпоху товарно-денежные отношения формируют новую картину мира, в которой по-новому ставится вопрос о подлинности. Например, деньги теперь не

чеканятся из драгоценных металлов, а печатаются на бумаге, превращаясь в нечто виртуальное. Однако в какой степени бумажные купюры являются символическим выражением реального человеческого труда, а в какой – фетишем, подменяющим собой подлинную реальность? На этот вопрос люди будут отвечать по-разному в зависимости от собственной онтологической интуиции. Фетишами становятся и сами социальные роли, которые, воплощаясь в человеке, отчуждают от него его собственные личностные характеристики. В социальной среде человек начинает выражать не собственную личность, а лишь общественную функцию, производную от других фетишей, таких как государство, общественная польза и т. д.

В современную информационную эпоху вопрос о подлинности заново был поставлен в связи с проблемой виртуальности. С. С. Хоружий назвал виртуальную реальность даже не родом а «недородом» бытия: «Виртуальная реальность, – недо-выступившее, недо-рожденное бытие, и одновременно – бытие, не имеющее рода, не достигшее “постановки в род”. Это – недород бытия в смысле таксономических категорий, равно как и в смысле рождающего бытийного импульса» [Хоружий, 1997. С. 66]. Однако виртуальная реальность стала сферой личностного общения, творчества. О том, в какой степени в виртуальной реальности действительно выражается сама личность, а в какой виртуальный образ вытесняет подлинную действительность, каждый решает в соответствии со своей онтологической интуицией. Отрицать онтологичность выражения личности в виртуальной реальности проблематично, ведь на таком же основании можно было бы поставить под сомнение и онтологичность выражения культуры в ее памятниках, да и онтологичность выражения личности в теле, понимаемом только как биологический организм.

Во всех случаях неподлинность понимается как подмена онтологического содержания чем-либо иным. И хотя в разных парадигмах понимания неподлинность может описываться через различные понятия: «условность», «фикция», «фетишизм», «фантастическое отражение», «виртуальность», «объективация», «отчуждение» и т. д., тем не менее, ее наличие устанавливается общей онтологической интуицией, удостоверяющей подлинность присутствия того, что вы-

ражается во внешнем образе. Энергичное понимание символа в неоплатонической парадигме на основе разграничения сущности и энергии позволяет обосновать эту интуицию и определить общий методологический подход к проблеме подлинности бытия для разных ситуаций, начиная с вопроса о подлинности мифологических явлений и заканчивая проблемой виртуальной реальности.

Онтологическая интуиция может проявляться и по отношению к реальности, создаваемой человеческим творчеством. Подлинное произведение искусства всегда сопровождается ощущением реальности. Это достигается благодаря выражению в каждом отдельном художественном образе всех других образов и событий, составляющих целостную художественную действительность. Художественный образ становится символом создаваемого в данном произведении мира, благодаря чему он оживает и начинает вести себя независимо от автора.

Не только произведение искусства, но и культуру в целом можно понять как онтогенез символических форм. Отдельная вещь становится символом культуры, когда выражает в себе прочие формы культурной жизни людей. Благодаря такому взаимовыражению в символических формах разнородные явления образуют целостный космос культуры. Приобщение к культуре – это не просто усвоение каких-либо знаний о ней или свойственных ей обычаев, а вхождение в ту реальность, где формируются эти знания и обычаи. Это вхождение осуществляется как усвоение системы символов, в которых раскрывается общекультурное содержание, удостоверяемое онтологической интуицией как подлинное. В рамках неоплатонического подхода становится возможным обоснование онтологической интуиции, удостоверяющей подлинность воплощения в символе той реальности, к которой он возводит. Метод разграничения сущности и ее энергии позволяет описать энергичное воплощение сущности вовне, в том числе и в образе, что превращает образ в символ. Более того, можно говорить об энергичном взаимодействии разных явлений, слагающихся в целостную реальность художественной действительности или культурного космоса, раскрывающуюся в системе символических форм.

Символ может не только выражать реальность, но и способен вовлекать в нее наблюдателя. Повседневная жизнь часто не удовлетворяет человека не потому, что она кажется не подлинной, а потому, что она скучна и ограничена. Подобное разочарование в реальности и стремление уйти из нее связано с желанием оживить онтологическую интуицию, изменить чувство жизни, выражающееся во влечении к неведомому. Постигание символов, увлекающих наблюдателя в их собственную реальность, переживается как мистический опыт, причем вовсе не обязательно оформленный в виде какой-то конкретной мистической системы. Он может присутствовать как составная часть и в опыте искусства, и в религиозном опыте, и даже внутри научной картины мира.

Онтологическая интуиция не тождественна акту постижения символа, хотя и сопутствует ему. Если бы онтологическая интуиция совпадала с этим актом, то символ всегда являл бы только подлинное бытие, однако так бывает не всегда. Довольно часто встречаются и обманчивые символы, которые вопреки ожиданиям раскрывают противоположное подлинному. Такие обманчивые символы встречаются во всех сферах человеческой деятельности. Мастерски выстроенный художественный образ может, однако, оказаться пустым по содержанию и, обманчиво привлекая зрителя, оставить после себя ощущение пустоты и скуки. Тот или иной культурный символ может выразить не подлинную жизнь народа, а идеологически оформленные национальные комплексы. Само тело человека, которое является символом его души, может быть внешне привлекательным и даже вызывающим страсть, но, вопреки ожиданиям, явить поверхностную и одномерную личность, вызывающую чувство разочарования. Таким образом, онтологическая интуиция не обязательно совпадает с направленностью на постижение символа, но может оказаться прямо противоположной ей.

Список литературы

Карницкий Н. Н. Становление смысла и становление личности // Деп. в ИНИОН № 52819 от 15.07.97. 256 с.

Хоружий С. С. Род или недород? // *Вопр. философии*. 1997. № 6. С. 53–68.

Элиаде М. *Космос и история*. М.: Прогресс, 1987. 312 с.

Юнг К. Г. *Структура психики и процесс индивидуации*. М.: Наука, 1996. 269 с.

Материал поступил в редколлегию 03.11.2009

G. M. Tarnapolskaya

PHILOSOPHICAL FOUNDS OF ONTOLOGICAL INTUITION OF ORIGINALITY

In the article different forms of intuition are examined, testified the reality of out world. It is shown the expression of forms of ontological intuition in the different philosophical traditions. It is grounded the correlation of originality's intuition with a symbolic being and a choice of neoplatonical point of view to symbol's analysis.

Keywords: ontological intuition, originality, symbol.